

К вопросу о перформативности божественных гимнов

А. В. Проскурина

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. В статье показано, что исследование семантико-коммуникативной составляющей гимнов позволяет выявить перформативные каркасы – «подушки», на которых покоится фундамент речевой деятельности. Так, обязательной семантико-коммуникативной составляющей гимна является информирование божества о его же качествах, иными словами, его восхваление. В качестве примеров божественных песен, восхваляющих и прославляющих Господа и святых, в статье рассмотрены три гимна, записанных на древнеанглийском («Кентский Гимн», «Гимн Кэдмона») и раннесреднеанглийском («Гимн Годрика») языках. Автор акцентирует внимание на языческом следе в древнеанглийских гимнах. Так, в работе подчеркивается, что на заре христианства для плавного перехода от язычества к христианству образ Иисуса Христа представлялся как образ вождя (Cuning – Вождь), а верующие представлялись Его дружинниками.

Ключевые слова: перформативность, «Кентский Гимн», «Гимн Кэдмона», «Гимн Годрика».

УДК 81'01

DOI 10.25205/2307-1737-2019-1-140-152

Контактная информация: Проскурина Анна Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарного

Проскурина А. В. К вопросу о перформативности божественных гимнов // Критика и семиотика. 2019. № 1. С. 140–152.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2019. № 1
© А. В. Проскурина, 2019

факультета Новосибирского государственного технического университета (пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, 630073, Россия, a.vyacheslavovna@gmail.com)

М. Ю. Лотман рассматривает гимн как коммуникативный акт эмфатической природы, а восхваление в нем высших сил представляет как (полу)перформативные глаголы, поскольку похвала – прежде всего произнесение вслух божественных качеств. Исследователь подчеркивает мнемоническую составляющую таких текстов во времени, благодаря перечислению божественных деяний. Так, например, гимны заключают в себе расширенный перечень качеств Господа Бога, но для чего, если всезнающему Богу это и так известно? Следовательно, обязательная семантико-коммуникативная составляющая гимна – информирование божества о его же качествах, иными словами, его восхваление, тогда как молитва – прошение чего-либо у высших сил, а псалмы – информирование Бога о том, что собой представляют человеческие существа. Таким образом, иллокутивная цель гимна заключается в скрытой декларативности и перформативности [Lotman, 2013].

С. Г. Проскурин анализирует семиотические основания для исследования духовной культуры. Так, ученым подмечено, что «языки и культура предстают в виде сетевого образования, содержащего перформативное ядро как ценность, способную порождать метаописания, которые, в свою очередь, могут рассматриваться субъектами как ценности второго порядка. С одной стороны, в центре языка и культуры находятся явные и неявные перформативы, трансформируемые в метаоператоры ритуалов. Ср. перформатив *Я клянусь* », но метаоператор – констатив *Он клянется*. Ритуальные матрицы культуры, как правило, содержат перформативные комплексы, описанные в свое время Джоном Остином. Такие перформативные ядра не истинны и не ложны, т. е. их нельзя отрицать, они обладают конституирующей силой. Ср. библейский перформатив «И сказал бог: да будет свет. И стал свет» [Проскурин, 2011, с. 237].

Э. Бенвенист указывает на то, что социальный порядок поддерживается перформативными высказываниями в речевом акте, что является следствием аутореферентности, или самореферентности, т. е. способности «соотноситься как со своим референтом с той реальностью, которое оно само создает, в силу того, что оно произносится в условиях, которые делают его действием» [Бенвенист, 1974, с. 308].

Возвращаясь к иллокутивной функции высказывания (прагматическая составляющая смысла изречения), отметим следующее: понятие иллокуции было предложено Дж. Остином в научном труде *How to Do Things with Words* [Austin, 1962], где было показано, что речевой акт может быть проанализирован посредством фонетического (локутивного) акта – произне-

сение высказывания, фатического (иллокутивного) акта – актуализация интенционального аспекта высказывания, ретического (перлокутивного) акта – воздействие высказывания на адресата.

Дж. Остин является родоначальником не только понятия *иллокуция*, но также и *перформатив*. В его понимании [Остин, 2006, с. 264, 266, 270–273] перформатив выступает как высказывание, выступающее как скрещивание слова и дела (деяние проступает за высказыванием) и выглядящее как утверждение, но не являющееся бессмысленным, т. е. оно не может быть ни истинным, ни ложным. Эти высказывания включают в себя глаголы активного залога настоящего времени изъявительного наклонения в первом лице единственного числа («называю это судно “Королева Елизавета”») либо глаголы в форме пассивного залога (в возвратной форме) во втором или третьем лице (например, «сим утверждаетесь в правах на... (you are... authorized)). Произносящий подобное высказывание человек не просто говорит нечто, но делает это нечто. Дж. Остин приводит в качестве примера свадебную церемонию, когда жених произносит «да», подтверждая тем самым, что он действительно берет эту женщину в законные жены. Однако не всегда произнесение перформативных высказываний является уместным. Так, имеют место ситуации, в которых не выполнены определенные условия, нарушающие прозрачные правила функционирования перформатива. Такие ситуации в теории Дж. Остина именуется *неудачными* (*infelicitous*). Например, продолжая ситуацию с узакониванием брака, Дж. Остин отмечает, что процедура развода требует определенных формальностей, и публичное заявление «я с тобой развожусь» не является достаточным актом для немедленного расторжения брака. Следовательно, в этом случае конвенция не существует. Неудачными перформативными высказываниями также являются те, которые были произнесены человеком против его воли, т. е. находясь во власти каких-либо других обстоятельств, в силу которых говорящий не несет полной ответственности за то, что делает.

Перформативы распространены в религиозных практиках. В качестве примеров божественных песен, восхваляющих и прославляющих Господа и святых, рассмотрим три гимна, записанные на древнеанглийском и раннесреднеанглийском языках (оригинал текста представлен по: [Old English shorter poems, 2012]; перевод на русский язык наш. – А. П.). *The Kentish Hymn* (Кентский Гимн) представляет собой перифраз (записанный на кентском диалекте) древнейшего гимна *Gloria in excelsis deo*, в основе которого лежит Евангелие от Луки (2:14), который исполнялся на субботах мессах, а также на главных праздниках. *Cædmon's Hymn* (Гимн Кэдмона) являет собой древнее произведение из «Церковной истории народа англо-саксов» Беды Достопочтенного. *Godric's Hymn* (Гимн Годрика) – гимн, относящийся учеными к раннесреднеанглийскому периоду, этому также свидетельствует конечная рифма строк.

The Kentish Hymn

Wuton wuldrian weorada dryhten
halgan hliod̄or-cwidum, hiofen-
rices weard, lufian liofwendum
lif̄es agend, and him simle sio
sigef̄est wuldor

5 uppe mid ænglum, and on eorðan
sib gumena gehwilcum goodes
willan.

We ðe heriað halgum stefnum
and þe blætsiað, bile-wit f̄eder,
and ðe þanciað, þioda walden,

10 ðines weorðlican wuldor-dreames
and ðinra miclan mægena gerena,
ðe ðu, God dryhten, gastes
mæhtum hafest on gewealdum
hiofen and eorðan, an ece f̄eder,
ælmeh̄tig God.

15 Ðu eart cyninga cyningc cwicera
gehwilces, ðu eart sigefest sunu
and soð h̄elend ofer ealle gesceft
angla and manna. Ðu, dryhten
God, on dreamum wunast on
ðære upplican ædelan ceastre,

20 frea folca gehwæs, swa ðu æt
fruman wære efen-eadig bearn
agenum fæder.

Ðu eart heofenlic lioht and
ðæt halige lamb, ðe ðu man-
scilde middan-geardes for þinre
arf̄estnesse ealle towurpe,

25 fiond geflæmdest, folc
generedes, blode gebohtest bearn
Israela, ða ðu ahofo ðurh ðæt
halige triow ðinre ðrowunga

Кентский Гимн

Прославим имя Господа Са-
ваофа, Хранителя Царства
Небесного, возлюбим всей
душой Создателя жизни; а
ему, наверху, пусть неустанно
воздается слава

5 среди ангелов; а на земле –
мир, а в каждом человеке –
благоволение.

Праведными голосами мы
восхваляем и прославляем
тебя, беспорочный Отец, и мы
благодарим тебя, о, Власти-
тель людской,

10 за твою прославленную вели-
чественную благодать, так же
как и за неведомые дела вели-
кой силы, с помощью которой
ты, Господь Бог, управляешь
небом и землей, вечный Отец,
Господь Вседержитель.

15 Ты являешься Царем царей
над каждым живым существ-
вом, ты – победоносный Сын
и истинный Спаситель мира
ангелов и людей. Ты, Господь
Бог, ты пребываешь среди
радости, в том величествен-
ном граде на небесах, точно
так же, как ты существовал
и в начале, Сын, равным обра-
зом благословлённый, как и
Отец.

Ты – божественный свет и
Агнец Божий, который во имя
милосердия низверг все гре-
ховное зло срединного мира,
обратил в

25 бегство врага, спас людей; ты
искупил грехи кровью детей
Израилевых, страдая на свя-
том древе, ты вознесся над

	<p>ðriostre senna, þæt ðu on hæah- setle heafena rices</p>		<p>теменью грехов, поэтому сей- час ты торжествуешь в победе и помятуешь о душах, ты</p>
30	<p>sitest sige-hræmig on ða swiðran hand ðinum God-fæder, gasta gemyndig. Mildsa nu, mehtig, manna cynne, and of leahtrum ales ðine ða liofan gescæft, and us hale gedo, heleda sceppend,</p>	30	<p>восседаешь на высоко возне- сённом троне в Царствие Не- бесном, по правую руку Бога- отца. О, Всемогущий, помилуй род человеческий, отпусти своему заветному творению грехи, и спаси нас, Создатель, Спаситель людской, ради по- читания твоего имени.</p>
35	<p>niða nergend, for ðines naman are. Ðu eart soðlice simle halig, and ðu eart ana æce dryhten, and ðu ana bist eallra dema cwucra ge deadra, Crist nergende,</p>	35	<p>Воистину, ты свят всегда, ты вечный Господь, и ты один предстаешь Судьей над всем живым и усопшим, о, Христос Спаситель;</p>
40	<p>forðan ðu on ðrymme ricsast, and on ðrinesse and on annesse, ealles waldend, hiofena heah- cyninc, haliges gastes fegere gefelled in fæder wuldre.</p>	40	<p>ты царствуешь в величии, в триединстве, как правитель всего, Вседержитель Царствия Небесного, преисполненный Духом Святым во славу Отца.</p>

The Kentish Hymn (Кентский Гимн) занесен в сборник X–XI вв. MS Cotton Vespasian D.vi, хранящийся в Британской библиотеке. В книге *The Complete Old English Poems* [Williamson, 2017] об этом гимне повествуется следующее: *The Kentish Hymn* скорее является стихотворением, восхваляющем Триединого Бога, имеющим отсылку к *Te Deum* («Тебя, Бога, хвалим»), *the Apostles' Creed* («Апостольский символ веры»), and *Agnus Dei* («Агнец Божий»), нежели древнеанглийским вариантом латинского гимна богослужений. Вероятно, автор гимна являлся монахом / монахиней, о чем свидетельствует изложение божественной идеи в самом тексте. Гимн, предположительно, относится к концу X в., будучи написанным под влиянием правил святого Бенедикта.

Интересен данный гимн с лингвистической точки зрения. Так, Триединство Бога описано, как чисто христианскими понятиями (*hiofen-rices weard* – Хранителя Царства Небесного; *lifæs agend* – Создателя жизни; *bilewit fæder* – беспорочный Отец; *þioda walden* – Властитель людской; *ese fæder* – вечный Отец; *sigefest sunu* – победоносный Сын; *soð hegend* – истинный Спаситель; *heofenlic lioht* – божественный свет; *halige lamb* – Агнец Божий; *God-fæder* – Бога-отца; *Mildsa* – Всемогущий; *heleda sceppend* –

Создатель; *nīða nergend* – Спаситель людской; *dema* – Судьей; *Crist nergende* – Христос Спаситель), так и лексемами, отражающими языческое представление о вере (*weorada dryhten* – Господа Саваофа; *God dryhten (dryhten God)* – Господь Бог; *ælmehtig God* – Господь Вседержитель; *cyninga cyninge* – Царем царей; *dryhten* – Господь, *hiofena heah-cyninc* – Вседержитель Царствия Небесного). Следует отметить, что на заре христианства для плавного перехода от язычества к христианству образ Иисуса Христа представлялся как образ вождя (*Cyning* – Вождь), а верующие представлялись Его дружинниками. Э. Бенвенист отмечает следующее: «...в германских языках такой тип словообразования представлен в нескольких важных производных: готском *Þiudans* (от **teuta-nos*) «царь, глава сообщества», *kindins* (от **genti-nos*) «глава» («gens») – они параллельны лат. *tribūnus* от *tribus*. В древнеанглийском *dryhten* «господин» (в христианских текстах «Господь») отражена форма **drukti-nos* «предводитель *drukti*». Такая иерархия была характерна для древнегерманского общества [Бенвенист, 1995, с. 88–89]. Данные примеры свидетельствуют о том, что, возможно, для внедрения и закрепления христианской веры у древних германцев Христос представлялся им в качестве вождя племени. Со временем на острове Британия образ Христа вышел на первый план, сохранив при этом языческую коннотацию.

Характерным следом языческих верований в данном гимне также выступают лексемы *middan-geardes* (срединный мир) и *halige triow* (святое дерево). Центр мира (**midjan-gardaz* букв. «срединное огороженное место»), центр мира древних германцев отмечается «мировым деревом ясенем» *Yggdrasill* в северогерманской (скандинавской) мифологии, столпом *Irminsul* в центральногерманской мифологии, высокой горой (где живут боги-асы *Asgardr*) в скандинавской мифологии. С. Г. Проскурин отмечает германское слово **midjan-gardaz* со значением «средний мир» (которое буквально прочитывается им как «центр», «середина мира»), как коррелирующее более с «горизонтальным» представлением о мире, где срединной части, обжитой людьми (мидгард), противопоставляются отдельные и пугающие миры, обиталища богов и демонов (утгард) (см.: [Степанов, 2004, с. 93]).

Крест как главный христианский символ часто предстает сделанным из дерева и идентифицируется с космическим мировым деревом, растущим прямо в небеса. Большинство литургических текстов сравнивают крест со столпом, горой или лестницей. Таким образом, центр мира – часть христианской картины мира. Во времена средневековья концепт мирового дерева часто упоминался как «перевернутое дерево» (лат. *arbor inversa*), растущее с небес на землю: «Корни его на небесах, а ветви на земле». Это яркий пример семиотического эволюционного ряда (т. е. замена одного предмета другим, при этом второй предмет копирует функции и формы первого предмета). Стоит заметить, что образ креста в раннехристианской

литературе представлялся следующим образом: четыре ветви креста ассоциировались с четырьмя измерениями мирового пространства (шириной, длиной, высотой, глубиной – лат. *latitudo, longitudo, altitudo, profundum*). Сам крест представлялся образом распятого Христа, а его измерения ассоциировались с положением головы, рук и тела Спасителя. Преимущественно устойчивые ассоциации образовывались между размахом рук Христа и шириной (*latitudo*) креста [Проскурин, 2013, с. 51, 59]. Ю. А. Федоров отмечает, что Симеон Солунский в «Новой скрижали» поясняет, что именно образует крест Господень: «К востоку за престолом ставится четвероконечный Божественный крест Спасителя, на котором Он, грехов ради наших, был пригвожден, – Спасителя, Который сотворил и содержит все горнее и долнее, Который соединил горнее с земным, свыше нисшел на землю и потом с земли вознесся на небо; в Себе Самом все соединил и к Себе призвал все концы земли. Который высотой Божества и смирением воплощения все Себе усвоил и воссоздал нас высотой славы, глубиной нищеты и смирения, и широтой милости и любви, из ада воздвигнул и из земных сделал небесными» [Федоров, 2000, с. 25].

Следовательно, рассматривая семиотический аспект коммуникации, можно предположить, что коммуникативная задача исходила из того, что новая информация понималась посредством ее трансляции в рамках старого образа, уже известного носителям языка. Коммуникация основывалась на социокультурной базе благодаря межиндивидуальной психологии. Таким образом, замена центрального космического символа мирового дерева крестом, сохранившим черты языческого символа, является примером доступной коммуникации. Задача передачи информации во времени заключается в трансляции информации относительно важного христианского элемента культуры – креста как символа христианства. Языческий же образ мирового дерева совсем неважен с точки зрения семиотического аспекта передачи информации, но важен с точки зрения коммуникации в поколении германцев, только что принявших христианство.

Дж. Р. Серль, рассуждая о речевых актах, отмечает, что «совершая иллокутивный акт, говорящий намерен получить определенный результат, заставив слушающего опознать свое намерение получить этот результат, и, далее, если он употребляет слова в буквальном смысле, он хочет, чтоб это познание было осуществлено благодаря тому факту, что правила употребления произносимых им выражений связывают эти выражения с получением данного результата» [Серль, 1986]. В данном гимне иллокутивный акт молящегося заключается в прошении отпущения грехов, в спасении и помиловании (см. строки 33–35). Перформативные глаголы *прославляем, благодарим, восхваляем, возлюбим* (см. строки 2, 4, 7, 8) наравне с восхвалением божественной сущности, только усиливают интенцию просящего.

Перейдем ко второму гимну – *Cædmon's Hymn* (Гимн Кэдмона).

Cædmon's Hymn

Nu scylun hergan hefaen-ricaes
 uard, metudæs maecti end his
 mod-gidanc, uerc uuldur-fadur,
 sue he uundra gihuaes, eci
 dryctin, or astelidæ.

- 5 He aerist scop aelda barnum
 heben til hrofe, haleg scepem; tha
 middun-geard mon-cynnæs uard,
 eci dryctin, æfter tiadæ, firum
 foldu, frea allmectig.

Гимн Кэдмона

Сейчас мы должны возблагодарить Хранителя Царства Небесного, мощь Создателя и волю Его намерений, деяния Отца славы, когда он, вечный Господь, положил начало всякой твари.

- 5 Он, святой Создатель, сперва превратил небо в крышу над детьми человеческими; затем Хранитель людской, вечный Господь, всемогущий Правитель создал для людей срединный мир.

О чудесной истории английского поэта, получившего свой дар слагать стихи по велению Божьему, повествует предание, изложенное Бедой Достопочтенным в «Истории англоv» (XXIV (XXII) (см.: [Беда Достопочтенный, 2001]). Легенда гласит, что неграмотный Кэдмон, служивший в обители аббатисы пастухом, не умел слагать легкомысленных пустых поэм для увеселения на пирах, и когда ему протягивали арфу для развлечения пирующих, он вставал и уходил домой. Однажды он также покинул в смущении пир и пошел в хлев сторожить коров. Во сне пастуху явился незнакомец, попросивший спеть о начале творения, и Кэдмон вознес хвалу Господу никогда не слышанными до этого стихами. Утром, взволнованный божественным видением пастух, отправился к своему управителю поведать о своем дарe, после чего хозяин отвел его к аббатисе. Собрались ученые мужи послушать пересказ видения и божественный гимн, явленный во сне. Всем стало ясно, что именно Господь даровал ему небесную милость слагать стихи. Затем они прочли отрывок из Святого Писания, предложив ему изложить услышанное в стихах. На следующее утро Кэдмон представил пересказ, успешно отлитый в форму дивных стихов. Аббатиса, признав Божье благословление в литературном даровании неграмотного пастуха, побудила его оставить мирскую жизнь и принять монашеский обет.

В божественном гимне, приснившемся, по легенде, Кэдмону, вкраплены восемь оборотов именованя Господа, традиционные для древнеанглийского периода: *hefaen-ricaes uard* – Хранителя Царства Небесного, *metudæs* – Создателя, *uuldur-fadur* – Отца славы, *eci dryctin* – вечный Господь, *haleg scepem* – святой Создатель, *mon-cynnæs uard* – Хранитель людской, *frea allmectig* – всемогущий Правитель. В «Гимне Кэдмона», так же

как и в «Кентском Гимне», представлена лексема *middun-geard* – срединный мир, указывающая на языческое представление людей о пространстве. С. Г. Проскурин, рассуждая об образе мира в ранних традициях, отмечает следующее: «...именно сакральный характер центральной точки мира позволяет понять метонимический перенос этого термина на обозначение “мира вообще” и таким образом совместить две названные концепции. Восстанавливаемая так картина дописьменного периода свидетельствует: центр древнегерманского мира совпадает с центром вписанных друг в друга сакральных объектов (центр, огороженное место и т. д.), демонстрируя неоднородность и неизотропность архаического космоса (ср. типологическую схему мифопоэтического пространства самых разных культур: жертва на алтаре в центре – храм – свое поселение – своя страна и т. д.)» [Проскурин, Центнер, 2009, с. 46–47].

В данном гимне, как можно заметить, представлено перформативное высказывание *Nu scylun hergan* (Сейчас мы должны возблагодарить) как призыв к действию, являющееся комплексом, на котором стоит все повествование гимна, основной семантико-коммуникативной составляющей которого является восхваление Господа Бога. Это перформативное высказывание не является ни истинным, ни ложным с позиции рациональной логики.

Рассмотрим третий гимн – *Godric's Hymn* (Гимн Годрика).

Godric's Hymn

Sainte Marie uirgine, moder Iesu
Cristes Nazarene, onfo, scild,
help þin Godric, onfang, bring
hehlic wið þe in Godest ric.

- 5 Sainte Marie, Cristes bur,
maidens clenhand, moderes flur,
dilie mine sinne, rixe in min mod,
bring me to winne wið self God.

Гимн Годрика

Святая Мария, непорочная, мать
Иисуса Христа Назарянина,
прими, брещи и пособи своему
Годрику, прими и возьми славно
с собой в царство Божье.

- 5 Святая Мария, прибежище Хри-
стово, дев непорочность, цвет
материнства, загладь мои грехи,
воцарись в моем сердце, низве-
ди мне радость быть с Богом.

В книге *The Complete Old English Poems* [Williamson, 2017, p. 1108] о «Гимне Годрика» сказано следующее: это произведение носит также и второе название – *Godric's Prayers*, оно занесено в сборник MS Royal 5 F. vii с нотной записью, хранящийся в Британской библиотеке, в Лондоне. Святой Годрик, прежде чем решил стать отшельником, был и торговцем, и путешественником-богомольцем, и капитаном корабля. В сборнике *Old English shorter poems* [Old English shorter poems, 2012, p. xxi] сравниваются «Гимн Годрика» и «Гимн Кэдмона». Так, указано, что оба гимна

написаны на родном для поэтов языке, поэтому для исследователя представляется крайне трудным разграничение гимнов на литургические тексты и на уединенную молитву, что сами по себе формально и хронологически являются диаметрально противоположными обращениями к высшим силам. Автором «Гимна Годрика» принято считать святого отшельника Годрика Финчальского, родом из северной Англии, который родился накануне нормандского завоевания и жил в англо-нормандский период. Умер Святой Годрик Финчальский, который так и не был канонизирован, но считался святым, в 1170 г. Следовательно, текст гимна правильнее отнести к раннесреднеанглийскому периоду, а не к древнеанглийскому, тем более, что на это указывают рифмованные линии *aabb*, свойственные латинскому и норманно-французскому стихосложению. И все же сходство Годрика с историей Кэдмона поразительно: самые ранние копии этого гимна встречаются в рассказах о его жизни, иначе записанных на латыни, и эти повествования описывают поэму как сверхъестественный дар, данный святому в видении.

Примечательно, что этот гимн восхваляет не Господа Иисуса Христа, а Матерь Божью, тем самым являясь одним из самых ранних обращений к Деве Марии. Ввиду того, что «Гимн Годрика» хронологически является более поздним гимном (по сравнению с «Кентским Гимном» и «Гимном Кэдмона»), в нем не представлены обороты, имеющие языческие коннотации. Более того, гимн испещрен обращениями к Мадонне, характерными для средневекового христианского периода: *Sainte Marie uirgine, moder Iesu Cristes Nazarene* – Святая Мария, непорочная, мать Иисуса Христа Назарянина, *Sainte Marie, Cristes bur, maidens clenhand, moderes flur* – Святая Мария, прибежище Христова, дев непорочность, цвет материнства. И по сравнению с «Кентским Гимном», царство Божье именуется как *Godest ric*, а не *hiofena heah-cyninc*. В отличие от древнеанглийских божественных гимнов, данный раннесреднеанглийский гимн не включает в себя ярко выраженные перформативные выражения, однако молитвенное обращение автора явно носит иллюкутивную направленность в виде директивов и деклараций.

Таким образом, божественные гимны выстраиваются на голосовых перформативных высказываниях, диктующих дальнейшее развертывание текста. Так, в работе С. Г. Проскурина и В. В. Фещенко “Voice and bodily deixis as manifestation of performativity in written texts” отмечается следующее: культуры покоятся на своеобразных перформативных «подушках», которые формируют свободный от рационального оценивания пласт культурных практик или трансферов. Ветхозаветные формулы опираются на голосовые перформативы, в то время как новозаветные формулы зиждутся на произнесенном сокровенном Слове [Proskurin, Feshchenko, 2019]. Таким образом, исследование семантико-коммуникативной состав-

ляющей гимнов позволяет выявить перформативные каркасы – «подушки», на которых покоится фундамент речевой деятельности.

Список литературы

Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. В. В. Эрлихмана. СПб., 2001. 363 с.

Бенвенист Э. Общая лингвистика / Пер. с фр., вступ. ст. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995. 452 с.

Остин Дж. Перформативные высказывания // Три способа пролить чернила. СПб.: Алетейя, Изд. дом СПбГУ, 2006. С. 262–281.

Проскурин С. Г., Центнер А. С. К предьстории письменной культуры: архаическая семиотика индоевропейцев. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2009. 196 с.

Проскурин С. Г. Сетевые структуры в языке и культуре // Общество сетевых структур: Моногр. / Под общ. ред. М. В. Ромма, И. А. Вальдмана. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. С. 233–280.

Проскурин С. Г. Курс семиотики. Язык, культура, право: Учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2013. 226 с.

Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. 1986. Вып. 17. С. 170–194.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2004. 992 с.

Федоров Ю. А. Образ Креста. История и символика православных нагрудных крестов. СПб., 2000. 109 с.

Austin J. L. How to Do Things with Words. Oxford at the Clarendon Press, 1962. 174 p.

Lotman M. Impossible Communication: the Logical-Semantical Structure and Communicative Perspective of Hymn // Il Senso delle soggettività: Recerche semiotiche – Atti congress AISS, 2013. 2013. P. 72–80.

Old English shorter poems / Ed. and transl. by Christopher A. Jones. Harvard University Press, 2012. 456 p.

Proskurin S. G., Feshchenko V. V. Voice and bodily deixis as manifestation of performativity in written texts // Semiotica. 2019. Vol. 2019, iss. 227. P. 317–334. DOI 10.1515/sem-2017-0133.

Williamson C. The Complete Old English Poems (The Middle Ages Series). University of Pennsylvania Press, 2017. 1248 p.

Article metadata

Title: On the Issue of Performativity of Hymns

Author: A. V. Proskurina

Author's e-mail: a.vyacheslavovna@gmail.com

Author's affiliation: Novosibirsk State Technical University

Abstract. The article indicates that the study of the semantic-communicative component of hymns makes it possible to identify performative frameworks – “pillows”, on which the foundation of speech activity rests. Thus, the obligatory semantic-communicative component of the hymns is informing the deity about his/her qualities, in other words, it is praising. The article reviewed three hymns written in Old English (“The Kentish Hymn”, “Cædmon’s Hymn”) and Early Middle English (“Godric’s Hymn”). The author focuses on paganism in Old English hymns. Thus, the work emphasizes that at the dawn of Christianity, for a smooth transition from paganism to Christianity, the image of Jesus Christ was presented as the image of a leader (Cyning – Leader), while believers were represented as His warriors. The cross as the main Christian symbol often appears made of wood and is identified with the cosmic world tree growing right into heaven. Most liturgical texts compare a cross to a pillar, mountain, or ladder. Thus, the center of the world is a part of the Christian picture of the world. Consequently, considering the semiotic aspect of communication, it can be assumed that the communicative task proceeded from the fact that the new information was understood through its transmission within the framework of the old image already known to native speakers. Communication was based on a sociocultural basis due to interindividual psychology. Thus, the replacement of the central cosmic symbol of a world tree with a cross that retains the features of a pagan symbol is an example of accessible communication. The task of transmitting information in time is to transmit information about an important Christian element of culture – the cross as a symbol of Christianity. The pagan image of the world tree is completely unimportant from the point of view of the semiotic aspect of information transfer, but it is important from the point of view of communication in the generation of the Germans who have just adopted Christianity.

Key terms: performativity, “The Kentish Hymn”, “Cædmon’s Hymn”, “Godric’s Hymn”.

Reference literature (in transliteration):

Austin J. L. Performativnye vyskazyvaniya. In: Tri sposoba prolit' chernila [Three Ways of Spilling Ink]. St. Petersburg, Aleteiya, St. Petersburg State Uni. Press, 2006, p. 262–281. (in Russ.)

Austin J. L. How to Do Things with Words. Oxford at the Clarendon Press, 1962, 174 p.

Bēda Venerābilis. Tserkovnaya istoriya naroda anglov [Historia ecclesiastica gentis Anglorum]. Transl. from Latin by V. V. Erlikhman. St. Petersburg, 2001, 363 p. (in Russ.)

Benveniste E. Obshchaya lingvistika [General Linguistics]. Transl. from Fr. by Yu. S. Stepanov. Moscow, Progress, 1974, 448 p. (in Russ.)

Benveniste E. Slovar' indoevropeyskikh sotsial'nykh terminov [Le Vocabulaire des institutions indo-européennes]. Moscow, Progress-Univers, 1995, 452 p. (in Russ.)

Fedorov Yu. A. Obraz Kresta. Istoriya i simbolika pravoslavnykh nagrudnykh krestov [The image of Cross. History and symbolism of Orthodox cross orders]. St. Petersburg, 2000, 109 p. (in Russ.)

Lotman M. Impossible Communication: The Logical-Semantical Structure and Communicative Perspective of Hymn. In: II Senso delle soggettività: Recerche semiotiche – Atti congress AISS, 2013, p. 72–80.

Old English shorter poems. Ed. and transl. by Christopher A. Jones. Harvard University Press, 2012, 456 p.

Proskurin S. G. Setevye struktury v yazyke i kul'ture [Network structures in language and culture] In: Romm M. V., Valdman I. A. (ed.). Obshchestvo setevykh struktur [Social network structures]. Monograph. Novosibirsk, NSTU Press, 2011, p. 233–280. (in Russ.)

Proskurin S. G. Kurs semiotiki. Yazyk, kul'tura, pravo [Course of semiotics. Language, culture, law]. Novosibirsk, NSU Press, 2013, 226 p. (in Russ.)

Proskurin S. G., Tsentner A. S. K predystorii pis'mennoy kul'tury: arkhaiskaya semiotika indoevropeytssev [To the prehistory of written culture. Archaic semiotics of Indo-Europeans]. Novosibirsk, NSU Press, 2009, 196 p. (in Russ.)

Proskurin S. G., Feshchenko V. V. Voice and bodily deixis as manifestation of performativity in written texts. *Semiotica*, 2019, vol. 2019, iss. 227, p. 317–334. DOI 10.1515/sem-2017-0133.

Searle John R. Classification of illocutionary acts. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, 1986, iss. 17, p. 170–194.

Stepanov Yu. S. Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury [Dictionary of Russian culture]. 3rd ed. Moscow, Akademicheskiiy proekt, 2004, 992 p. (in Russ.)

Tylor Edward Burnet. Pervobytnaya kultura [Primitive Culture]. Transl. from Engl. by D. A. Koropchevsky. Moscow, Politizdat, 1989, 573 p.

Williamson C. The Complete Old English Poems (The Middle Ages Series). University of Pennsylvania Press, 2017, 1248 p.